

## ЕЩЕ РАЗ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Проблема этнического отождествления кобанской археологической культуры (культурно-исторической общности), начиная с середины XX в., находится в сфере пристального внимания археологов и историков. Еще в 1949 г. Л.А. Ельницкий заявил о киммерийской принадлежности этой культуры (*Ельницкий, 1949*). Впоследствии Н.Л. Членова включила кобанскую культуру в т.н. киммерийско-карасукскую общность культур Евразии (*Членова, 1972: 134*). Затем кобанская и колхидская культуры, а также выделенная ею каменноостско-березовская культура (район Кабардино-Пятигорья) были отнесены исследователем к киммерийцам (*Членова, 1984: 81*). Эти заключения были оспорены рядом кавказоведов (*Иессен, 1954: 131; Крупнов, 1960: 111; Дударев, 1975: 46; 1991: 64; 1999: 83*).

Большинство специалистов пришло к выводу о кавказских этнических корнях кобанского феномена (Е.И. Крупнов, Г.А. Меликишвили, В.Н. Гамрекели, В.Б. Виноградов, К.З. Чокаев, Р.Л. Харадзе, А.И. Робакидзе, Ю.Д. Дешериев, Я.А. Федоров, В.И. Козенкова, С.Л. Дударев и др.). Однако версия об участии киммерийцев в этногенезе некоторых кавказских народов

(например, адыгов, в т.ч. кабардинцев, а также карачаевцев и балкарцев) находила и продолжает находить своих приверженцев среди ученых (Л.И. Лавров, Н.Г. Ловпаче, Р. Исмагил) (*Ловпаче, 1986; 1997; Исмагил, 2004: 235, 238*).

Участие киммерийцев в этнических процессах, происходивших в центральной части Кавказа в древности, отмечается и Б.В. Теховым, хотя он одновременно и отрицает наличие следов киммерийской культуры на южном склоне гор Центрального Кавказа<sup>1</sup>. В то же время Б.В. Техов ставит вопрос этнического содержания кобанских древностей гораздо шире, приходя к выводу, наметившемуся еще с 1987 г., что кобано-глийская этнокультурная общность формировалась на основе постепенного развития, а затем и распада материальной и духовной культуры *индоевропейской культурно-исторической общности* (в которую входили и киммерийцы), занимавшей обширную территорию не только на северном, но и на южном склоне Главного Кавказского хребта (*Техов, 2002: 460*). При этом последняя возникла в указанном регионе в результате оседания здесь остатков индоиранских племен еще в начале II

<sup>1</sup> В 1999 г. мы пришли к следующему выводу, сделанному на основе монографической проработки памятников предскифского времени Северного Кавказа: «Ни о каком широком проникновении самих ранних кочевников в автохтонную среду Предкавказья в IX – первой половине VII в. до н.э. и этнической «киммеризации» или «скифизации» автохтонов не может быть и речи; этот процесс шел, возможно, лишь по отношению наиболее «продвинутых» в контактах со степняками отдельных представителей местной воинской верхушки, принимавшей участие в походах номадов, в т.ч. в Закавказье и Западную Азию» (*Дударев, 1999: 83*).

тыс. до н.э. в результате их миграции в Переднюю Азию (Техов, 2002: 483).

Впрочем, каким образом киммерийцы внесли свой конкретный вклад в становление кобано-тлийской общности — этот вопрос остается в книге Б.В. Техова открытым, как и его отношение к мнениям тех авторов, которые призывают к осторожности в признании иранского происхождения киммерийцев (Иванчик, 1996: 160) или вообще придерживаются других версий их этнической принадлежности (Нейхардт, 1982: 75-78). Так или иначе, но налицо серьезная метаморфоза в оценке этнического содержания памятников Центрального Кавказа эпохи поздней бронзы — раннего железа, ибо в широко известной монографии 1977 г. ученый пришел к выводу, что создателями позднебронзовой культуры южного склона, распространившейся затем и на северный склон, были *ибера-кавказские племена картвельской этнической группы* (Техов, 1977: 192).

В данной работе нет возможности дать подробный анализ тех черт материальной культуры Тлийского могильника, в которых видный и авторитетный археолог-кавказовед, посвятивший всю жизнь изучению выдающегося памятника истории и культуры, видит немало подтверждений своим заключениям об индоиранской трактовке этих блестящих и во многом уникальных материалов (частично это сделано нами в работах, вышедших из печати в последние годы) (Дударев, 2006: 211-218). В данной статье мы хотели бы, прежде всего, обратить внимание на те сообщения античных авторов, которые являются для ученого одними из ключевых доказательств принадлежности тлийских древностей иранскому миру, а также некоторые важные гидронимические материалы из Южной Осетии и новые, параллельные изысканиям Б.В. Техова, археологические исследования, выполненные на материалах эпохи раннего железа Центрального Кавказа.

Указывая на большую близость многих черт погребального обряда тлийцев ираноязычным сарматам, Б.В. Техов опирается на относящееся к I в. н.э. сообщение Страбона об обитающих в горной стране простолюдинах и воинах, живущих по обычаям скифов и сарматов, полагая, что в ретроспективе оно, пожалуй, передает ситуацию всего I тыс. до н.э. (Техов, 2002: 483). Приведем полностью это высказывание Страбона: «Равнину населяют те из *иберов* (здесь и далее курсив наш. — С.Д.), которые более занимаются земледелием и склонны к мирной жизни, снаряжаясь по-армянски и мидийски, а горную часть занимает воинственное большинство, в *образе жизни сходное со скифами и сарматами, с которыми они находятся и в соседстве, и в родстве*; Впрочем они занимаются и земледелием и в случае какой-нибудь тревоги набирают много десятков тысяч воинов как из своей среды и из тех народов» (Страбон. XI, III, 3). Уже то, что ситуация, которую описывает Страбон, отстоит от завершения функционирования Тлийского могильника более чем на 500 лет (!), указывает на необходимость привлечения и иных источников, которые были осведомлены об этнической принадлежности жителей горных районов Иберии того времени, причем, как мы полагаем, более разносторонне, чем античный географ.

Мы имеем в виду древнегрузинскую письменную традицию. Грузинский историк XI в. Леонти Мровели в «Жизни Картлийских царей», опирающийся на более древние, не дошедшие до нас источники — «греческие» (византийские), древнегрузинские, древнеармянские и др. (Леонти Мровели, 1979: 13), и описывая перипетии правления Саурмага — второго царя династии Фарнавазианов, правившего примерно в последней трети III в. до н.э., отмечает, что после подавления им восстания эриставов, Саурмаг поселил в Мтиулети, т.е. в горной стране, являвшейся северо-восточной окраиной исторической Картли (Иберии), «от Дидоэти<sup>2</sup> до Эгриси,

<sup>2</sup> Как отмечает переводчик и комментатор средневекового автора Л. Мровели, Г.В. Сулая, «Дидоэти — грузинская форма названия одной из областей Дагестана, пограничной с Кахетией. Жители Дидоэти — дидойцы, упоминаются еще в «Географии» Птолемея, а также армянской «Географии» VII в.» (Леонти Мровели, 1979: 64).

которая есть Суанети», т.е. от Дагестана до Сванетии (*Мровели Леонти, 1979: 30, 64*), северокавказские племена *дурдзуков*. Между тем, в кавказоведении признано, что дурдзуки (дурцк «Армянской географии» VII в.) – это предки чеченцев и ингушей (*История народов Северного Кавказа, 1988: 125*). Правда, еще в 1963 г. В.Б. Виноградов предостерегал от излишнего удревнения средневекового термина «дурдзуки» (*Виноградов, 1963, 160*). Но, в свете сообщений Л. Мровели, думается, не будет излишней натяжкой полагать, что горцы, переселенные Саурмагом в Картли, могут, во всяком случае, относиться к числу прямых предков тех самых «дурдзуков», т.е. горных нахских<sup>3</sup> племен. Тем более, что есть и другие важные указания на генетические связи древнего населения Центрального Кавказа с вайнахами<sup>4</sup>. Наиболее взвешенная и сдержанная оценка возможностей таких связей присуща некоторым представителям современной осетинской историографии. Комментируя нынешние чечено-ингушские историко-идеологические построения, где связи кобанской культуры с нахским этническим массивом приобрели уже аксиоматичный характер, они отмечают: «Территориальные идеологемы апеллируют к значительно более древним временам. Общевайнахская ретроспекция показывает автохтонность нахоязычных племён в ареале кобанской археологической культуры, определяя этническую принадлежность ее носителей термином «нахо-кобанцы» (*Цуциев, 2007: 114*).

Но напомним, что в 1977 г. сам же Б.В. Техов указывал на то, что в ареале поздне-бронзовой культуры южного склона Центрального Кавказа «к востоку от картвельских и абхазо-адыгских племен жили вейнахские племена». Прочитируем дальнейшее высказывание исследователя с незначительными сокращениями. «Интересно отметить, что две главные реки на территории Южной Осетии – Большая и Малая Лиахви – носят название, объясняемое из вейнахских языков. Этот гидроним в более

чистой форме сохранился в осетинских языках, где он передается Леуахи (Стыр Леуахи и Чысыл Леуахи). «Леуа» по вейнахски – снег, ледник, а «хи» – вода. Значит, Леуахи – это снежная (ледниковая) вода. Этот гидроним (Леуахи) и некоторые другие топонимы (sic! – С.Д.) свидетельствуют о пребывании на данной территории *вейнахских племен* (курсив наш. – С.Д.). Оно относится к тому далекому прошлому, когда картвельские племена постепенно продвинулись в высокогорные районы и стали ассимилировать оседлые некартвельские этнические группы. Последние очень быстро растворились и слились с первыми, оставив только некоторые свои топонимы и гидронимы. Этим объясняется то обстоятельство, что в горных районах нынешней Южной Осетии многие топонимы и гидронимы не могут быть объяснимы ни из грузинского (более ранний), ни из осетинского (более поздний) языков» (*Техов, 1977: 192*).

Совершенно очевидна связь затронутых нами вопросов с проблемой этногенеза осетин, к которой и сводятся, в конечном счете, построения Б.В. Техова. В свете сказанного выше весьма актуальным остается вопрос, поставленный В.И. Абаевым, В.Н. Гамрекели, В.Б. Виноградовым и др. (*Виноградов, 1972: 302-308*) о роли *кавказского субстрата* в происхождении этого кавказского народа. Думается, что следует напомнить слова Е.И. Крупнова, который отмечал: «На мой взгляд, осетины по своему происхождению являются коренным кавказским народом, но на протяжении длительной истории, в результате последовательного проникновения в центральные районы Северного Кавказа северных ираноязычных кочевников (скифов, сармат и, наконец, алан) были ассимилированы, т.е. сменили свой кавказский язык на иранский. Тут ни в коем случае не было полной смены местного кавказского населения пришлым, относящимся к индоевропейской общности, а была лишь языковая ассимиляция при полном сохранении всей

<sup>3</sup> Нахи – массив этнических групп, родственных чеченцам и ингушам.

<sup>4</sup> Общее название чеченцев и ингушей.

своей исконной кавказской бытовой культуры и самого антропологического типа» (Крупнов, 1970: 759). Весьма примечательно также, что, по мнению Г.В. Цулая, Л. Мровели «свидетельствует о значительной роли кавказского субстрата в древнеосетинских племенах, основу которых действительно составляли ираноязычные скифы и сарматы» (Мровели Леонти, 1979: 65). В то же время, нельзя не обратить внимания и на новейшие археологические исследования А.П. Мошинского, в которых сделаны выводы, основанные на кобанских материалах из горной Дигории конца V – начала IV вв. до н.э., в отношении контактов местных племен со степняками: «оснований для предположения о начале иранизации горных племен в этом историческом периоде нет» (Мошинский, 2004: 16). В опубликованной впоследствии монографии этого исследователя дается развернутая формулировка данного положения: «Очевидно, что степные влияния не проникли вглубь культуры и практически не затронули культовую сторону жизни. То есть, о процессе иранизации Дигорского ущелья в конце V – начале IV вв. до н.э. можно говорить только с очень большими оговорками. Правоммерно лишь утверждение о проникновении некоторых культурных элементов. Глубоко в кобанскую культуру, а тем более в этнос и язык инновации не проникли. Особенно показательными в этом контексте являются предметы культа, керамика и украшения. Кавказский характер этих изделий не вызывает сомнений. Только начиная с сарматской эпохи степные иранские элементы внедряются в культуру горных племён» (Мошинский, 2006: 89).

Несмотря на противоречивость мнений исследователей, подход, указанный Е.И. Крупновым, вполне отвечающий и данным языкознания (В.И. Абаев) и антропологии (Г.Ф. Дебец, В.П. Алексеев), является, по нашему мнению, наиболее методически взвешенным. Он, кстати, согласуется с позицией и Б.В. Техова, верно полагающего: «Нельзя утверждать, что территория Центрального Кавказа была заселена только ираноязычным населением, так как никогда не было и нет химически чистых этносов» (Техов, 2002: 272).

Наш краткий обзор проблемы этнического отождествления племён кобанской культуры был бы неполон, если бы мы не затронули и иные, менее известные и апробированные версии такового. В последнее время появилась и такая трактовка, согласно которой кобанская культура «была неоднородна по этническому составу и включала в себя как представителей *германского*, так и *тюркского* (курсив наш – С.Д.) этносов. Ряд фактов указывают на существование двух тюркских языковых компонентов в кобанской среде. Носители одного говорили на языке огузской ветви – «йюкающий» диалект, предположительно туркмены, а другого на «джокающем» диалекте тюркского языка – протоболгары, предки нынешних балкарцев и карачаевцев. Германский язык, на котором разговаривала часть кобанцев, был близок по лексике современному немецкому языку» (Тилов, 2006: 10). На чём основаны столь смелые и необычные предположения? Их автор, Р.Р. Тилов, не имея, естественно, прямых языковых тюрко-германских параллелей со словарным фондом кобанской культуры (она, как известно, была бесписьменной), стремится найти лексические соответствия тюркским и германским терминам в ряду зрительных образов, воплощенных в бронзовой пластике Кобани. Эти образы являются, с его точки зрения, неким кодом, который проливает истинный свет на происхождение кобанских племен. Исследователь утверждает, например, что поскольку на кобанских бронзовых топорах массово присутствуют изображения оленей, собак, козлов, лошадей, рыб, змей, несопоставимые с функцией топора как инструмента, то это должно находить свое объяснение. И находит его, например, в том, что приводимая им в работе огузская лексика фонетического ряда с корнем «саг» (олень) и сопоставление его со словом «сага» – мотыга, топор, показывает, что варианты изображений на кобанских топорах оленей, собак, змей, козлов являются своеобразной формой письменности и огузскими фонетико-семантическими комплексами, отражающими название топора или передававшими глагол «бить». Причем «именно комплексами, потому

что в ряде случаев на топорах одновременно изображаются и олень, и змея, и козел, и собака. Тот факт, что огузское слово «саг» – собака, присутствует в слове «сага» – топор, в качестве фонемы в массовом количестве отражено на гравировках и пластике топоров и колхидской культуры, родство которой с кобанской общепризнанно, если не сказать, что это единая кобано-колхидская культура» (Тилов, 2006: 14). Мы не станем из-за отсутствия места углубляться сейчас в анализ изображений на кобанских бронзах, который уже давно проделан авторитетными кавказоведами. Их работы, в частности, показали, что те образы, которые Р.Р. Тилов считает принадлежащими собакам, на самом деле являются синкретическими существами «барсо-волками» или (в «лучшем» случае) «собако-волками» (Виноградов, 1970: 207; Виноградов, 1979: 118). Приведем лишь ещё один пример того, как строятся у Р.Р. Тилова уже кобано-германские «привязки». «Анализируя германскую лексику, отмечу, что немецкие слова «Наске» – мотыга, топор, и «hacken» – колоть, рубить, ложно присутствуют в названии свастики – «Накенкреуз», дословно означающем «крючковый крест». Это позволяет трактовать название свастики, как фонетико-семантический ряд: «топор-рубить-крест-свастика», т.е. «рубящий крест-свастика», что и стало лексическим источником появления обычных крестов и свастик на топорах, изготовленных древнегерманскими металлургами, проживающими на Кавказе» (Тилов, 2006: 16)<sup>5</sup>.

Излишне сейчас сколько-нибудь детально рассматривать вопрос и о колхидо-кобанском единстве, по поводу которого

один из основных специалистов по кобанской проблематике В.И. Козенкова пишет: «Металлургический аспект рассмотрения свидетельствует, что кобанская культура – есть часть обширной общекавказской области металлургии и металлообработки. И здесь вполне уместен термин «колхидо-кобанское единство», указывающий на единство производственной базы в области металла. И не более того. На уровне же этнологии (палеоэтнография, антропология) сумма культурных признаков Кобани выступает уже как самостоятельное, неповторимое явление, тождественное лишь самому себе» (Козенкова, 1996: 73). И это заключение высококомпетентного ученого является наиболее весомым ответом на отмеченные кобано-тюрко-германские сопоставления.

Однако мы вовсе не ставим перед собой цель опровергнуть все положения работы Р.Р. Тилова (да и не имеем такой возможности в статье ограниченного объема), в особенности те выводы автора, которые связаны с карачаево-балкаро-германскими лексическими параллелями. Некоторые из них весьма любопытны, распространяются на область базисной лексики и заслуживают самого пристального внимания (Тилов, 2006: 65-68). Весь вопрос в том, к какому времени относится возникновение таких параллелей в действительности.

В то же время, выступление Р.Р. Тилова напоминает о явной активизации карачаево-балкарских идеологов, творцы которых основное внимание уделяют теме удревления тюркского присутствия на Центральном Кавказе. В этом отношении примечательно, что тюркская языковая характеристика переносится в последние 15

<sup>5</sup> Несколько выше этого заключения автор наивно заверяет читателя в том, что «свастика на кобанских бронзовых изделиях выполняла всего лишь (!) фонетико-семантическую роль, а не идеологическую. Ретроспекции идеологии новейшей истории на орнаменты эпохи бронзы, в данном случае, неуместны, как и навязывание автору работы солидарности с идеями фашизма» (Тилов 2006: 16). Р.Р. Тилов, увы, не знает о том, что кавказоведы никогда и не пытались установить такую связь и никого не подозревали в подобной «солидарности». По этому поводу видный кавказовед, ведущий специалист по Кобани Б.В. Техов пишет: «Свастика – один из древнейших орнаментальных мотивов, встречающийся в искусстве многих стран, в том числе Древней Индии, Китая, Японии, где этот знак имел, видимо, культовое значение. Такое же значение он имел и на Кавказе в эпоху бронзы и раннего железа. Сюда свастика проникла, по-видимому, из восточных стран. С VI в. до н.э. свастический узор встречается на некоторых греческих вазах, греческих и сицилийских монетах, а позднее на предметах христианского культа. Наконец, она была использована как эмблема германским фашизмом и стала символом варварства и насилия» (Техов, 1971: 203).

с лишним лет на весь скифо-сарматский мир, «который в академических изданиях все еще полагается в своей основе именно ираноязычным» (Цуцьев, 2007: 120). Удревнение тюркского этнического элемента в центральной части Северного Кавказа, произошедшее в работе Р.Р. Тилова, таким образом, является еще одной заметной, и знаковой попыткой проникновения вглубь веков в карачаево-балкарском историческом сознании.

Подведем итоги. Проблема этнического отождествления кобанских памятников нуждается во всестороннем осмыслении, а также открытом обмене мнениями, в котором должен быть представлен весь спектр мнений, фактов, гипотез и научных трактовок, вкуче с *исчерпывающей суммой* имеющихся данных археологии, этнографии и лингвистики. К сожалению, затронутая

проблема в конце XX — начале XXI в. приобрела явный политический привкус (Шнирельман, 2006: 471-503), в особенности в связи с бурным развитием современной историко-политической мифологии в её этномобилизационном варианте (Тхагапсоев, 2004: 142-143), цель которой — утвердить глубокую древность того или иного этноса в определенном районе Кавказа, а затем спроецировать это положение на современную ситуацию и способствовать политическому доминированию того или иного этноса. Мы искренне надеемся на то, что данная тема привлечет всех заинтересованных специалистов к дальнейшему её обсуждению в условиях резкого роста интереса в академической и общественной среде Кавказа и других регионов России и стран СНГ к проблемам этнической идентичности.

### Литература

*Виноградов, 1963* — Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963.

*Виноградов, 1970* — Виноградов В.Б. Новые комплексы скифского времени из Чечено-Ингушетии // СА. 1970. № 3.

*Виноградов, 1972* — Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972.

*Виноградов, 1979* — Виноградов В.Б. Зооморфные «превращения» в искусстве древних горцев // Природа, 1979. № 2.

*Дударев, 1975* — Дударев С.Л. К характеристике находок сибирско-казахстанского облика из древностей Пятигорья и бассейна р. Терека // Тезисы V Крупновских чтений. Махачкала, 1975.

*Дударев, 1991* — Дударев С.Л. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный, 1991.

*Дударев, 1999* — Дударев С.Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху. Армавир, 1999.

*Дударев, 2006* — Дударев С.Л. К изучению проблемы генезиса памятников Центрального Кавказа периода поздней бронзы — раннего железа (к выходу научного сериала по древностям Юго-Осетии) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып.6. Армавир, 2006.

*Ельницкий, 1949* — Ельницкий Л.А. Киммерийцы и киммерийская культура // ВДИ. 1949. № 3.

*Иванчик, 1996* — Иванчик А.И. Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII—VII вв. до н.э. М., 1996.

*Иессен, 1954* — Иессен А.А. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н.э. на Северном Кавказе // ВССА. М., 1954.

*Исмагил, 2004* — Исмагил Р. К толкованию этнонима «киммеры» // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. СПб., 2004. Ч.2.

*История народов Северного Кавказа, 1988* — История народов Северного Кавказа. Т.1. М., 1988.

*Козенкова, 1996* — Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996.

*Крупнов, 1960* — Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.

*Крупнов, 1970* — Крупнов Е.И. Выступление на VII МКАЭН // Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Т.5. М., 1970.

*Мошинский, 2004* — Мошинский А.П. Древности Горной Дигории VII—IV вв. до н.э.: систематизация и хронология. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 2004.

*Мошинский, 2006* — Мошинский А.П. Древности Горной Дигории VII—IV вв. до н.э.: систематизация и хронология. М., 2006.

*Мровели Леонти, 1979* – Леонти Мровели. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана / Пер. и коммент. Г.В. Цулая. М., 1979.

*Ловпаче, 1986* – Ловпаче Н.Г. Киммерийцы в Северо-Восточном Причерноморье // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. 1986. № 2.

*Ловпаче, 1997* – Ловпаче Н.Г. Этническая история Западной Черкесии. Майкоп, 1997.

*Нейхардт, 1982* – Нейхардт А.А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982.

*Техов, 1971* – Техов Б.В. Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. Тбилиси, 1971.

*Техов, 1977* – Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. М., 1977.

*Техов, 2002* – Техов Б.В. Тайны древних погребений. Владикавказ, 2002.

*Тилов, 2006* – Тилов Р.Р. Говорящая бронза Кавказа: Этническая интерпретация племён кобанской культуры. Нальчик, 2006.

*Тхагапсоев, 2004* – Тхагапсоев Х.Г. Мифонегез в новейшей истории российских этносов // Политическая мифология и историческая наука на Северном Кавказе. Южнороссийское обозрение. № 24. Ростов-на-Дону, 2004.

*Цуциев, 2007* – Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004). М., 2007.

*Членова, 1972* – Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972.

*Членова, 1984* – Членова Н.Л. Оленные камни как исторический источник. Новосибирск, 1984.

*Шнирельман, 2003* – Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М., 2003.